

Ценности домостроевской культурной традиции

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию: 24.07.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Ценности домостроевской культурной традиции // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.15>

Аннотация. В статье дана аксиологическая характеристика домостроевской культурной традиции как одной из магистральных традиций, определяющих цивилизационное развитие России. Основными ценностями данной традиции являются уживчивость, добропорядочное партнерство, осмотрительность, домовитость, чистая совесть.

Ключевые слова: Россия; цивилизация; традиция; ценности; «Домострой».

Values of the Domostroeovsky cultural tradition

E.A. Tyugashev

Federal state autonomous educational institution of higher education «Novosibirsk National Research State University», Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 24.07.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Tyugashev E.A. Values of the Domostroeovsky cultural tradition. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):103–111. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.15>

Abstract. The article presents a toxicological characteristic of the Domostroeovsky cultural tradition as one of the main traditions that determine the civilizational development of Russia. The main values of this tradition are livability, good partnership, prudence, domesticity, a clear conscience.

Keywords: Russia; civilization; tradition; values; «Domostroy».

Существование многовековой домостроевской традиции («домостроевщины») стало фиксироваться во второй половине XIX века, с публикации текста «Домостроя» и пьес А.Н. Островского. Эта традиция воспринималась как передающая отрицательные ценности патриархальщины, самодурства, скопидомства, угодливости. Вместе с тем тогда же отмечалась объективная значимость домостроевской традиции для русской культуры.

Например, Н.В. Шелгунов сравнивал священника Сильвестра, предполагаемого автора «Домостроя», с Конфуцием [12, с. 254]. Он также утверждал, что «Домострой», как «кодекс всей накопившейся в народе нравственной

и практической мудрости» [12, с. 254], передавался из поколения в поколение на память и имел руководящее значение во всех слоях российского общества. Важен и тот факт, что «Домострой» возник в развитие различных литературных жанров древности и средневековья, в частности жанра поучений отца сыну. Поэтому домостроевская традиция, несомненно, передавала и положительные ценности.

Мнение о деструктивности «Домостроя» встречается и сегодня. Но в связи с неоднократными переизданиями «Домостроя» и распространившимся его положительным восприятием приписывание «Домострою» только отрицательных ценностей все чаще оценивается как искажение его содержания. Так, о публицистике XIX века М.И. Стрельцова пишет: «Используя созданный негативный образ “домостроя” в общественно-политической борьбе как эзопов язык, она меньше всего заботилась о близости этого образа к тексту самого памятника, содержание которого было изрядно подзабыто» [9, с. 65]. В.В. Колесов отмечал, что «Домострой» «сегодня неожиданно предстает как эталон трудолюбия, честности... чистоты» [6, с. 24].

Между тем предпринимаемые попытки выделения в «Домострое» положительных ценностей, которые могли бы передаваться в домостроевской культурной традиции, пока не выглядят убедительными. Например, Е.С. Андреева к традиционным ценностям «Домостроя» отнесла дом, семью, православие, трудолюбие, духовность, нравственность [1]. Подобную практику выделения домостроевских ценностей справедливо называют воспроизведением субъективно отобранных «общих мест» [3, с. 99]. Впрочем, автор этой оценки, поставив задачу реконструкции системы ценностей «Домостроя», вообще не назвал ни одной ценности, сосредоточив свое внимание на риторической структуре аргументации [3, с. 100].

Чтобы выделение ценностей «Домостроя» не казалось воспроизведением общих мест, представляется необходимым сначала оттолкнуться от его негативных оценок. Усматриваемые в «Домострое» отрицательные ценности, по крайней мере, не выглядят «общими местами», а, следовательно, могут стать указателями неверно воспринятых положительных ценностей. Примерным образцом для реконструкции ценностей домостроевской культурной традиции могут послужить конфуцианские «пять постоянств» [10].

Не угодливость, а уживчивость

Один из первых исследователей «Домостроя» И.О. Некрасов приводил мнение И.И. Срезневского о том, что литературный памятник содержит не только высшие побуждения, но и допускает угодливость. Безотносительно к закону правды, по мнению И.И. Срезневского, многие наставления «направлены именно к тому, чтобы научить, как ужиться с разными людьми в жизни, и при этом по возможности сохранять правду, не ссорясь, однако же, с неправедными людьми и не портя своих добрых к ним отношений, не вредя своим интересам» [8, с. 10].

Как угодливость воспринимаются советы «любую еду и питье — похвалить и с благодарностью есть» [4, с. 152], «ни одному созданию божью не будь лиходеем ... всякую скорбь и тягость благодарно претерпи» [4, с. 140]. «Даже если в чем не повинен, и не справедлива молва и брань или насмешка какая, или

укоризна, или удары, — все равно я во всем повинился, не оправдываясь перед людьми, и праведным своим милосердием бог восстановит правду», — писал автор [4, с. 265]. Он рекомендовал всякую обиду в себе претерпеть и уклоняться от брани, и скорее своих побранить и ударить (хотя бы они и правы) — «тем брань успокоишь, да к тому же убытка и вражды не будет» [4, с. 266–267]. И предусмотрительно: «Да еще вот недруга напоить и накормить хлебом да солью, глядишь, вместо вражды и дружба» [4, с. 267].

На мой взгляд, это не угодливость (т. е. чрезмерная корыстная услужливость). В.С. Бочко называет данные советы правилами хорошего тона [2, с. 115]. Благодаря следованию этим правилам, как утверждал Сильвестр, удавалось в делах обойтись без суда и приставов: «все, что было, улажено хлебом да солью, да питьем, да подарком и всякою добродетелью, да терпением своим» [4, с. 267]. На мой взгляд, это действительно уживчивость, т. е. умение ладить с окружающими, жить в согласии, мире и дружбе. «Хлеб-соль — взаимное дело, да и подарки также, а дружба навек, да и слава добрая», — говорится в «Домострое» [4, с. 266].

В «Домострое» одобряется богоугодное («стремись все дела свои и привычки, и нравы исполнять, как угодно то Богу» [4, с. 139]) и осуждается жизнь, угождающая бесам и дьяволу (обжорство, пьянство, распутство, сквернословие, чародейство, кощунство, воровство, наглость, увлечение охотой и шахматами и пр.) [4, с. 142–143]. Угождение или неугождение кому-либо или чему-либо (например, в случае чревоугодия) рассматривается как некоторое объективное соответствие, которое далеко не всегда достигается субъективными целенаправленными устремлениями. Но благое угождение одобряется. Автор считает, что жене следует угождать мужу [4, с. 139], детям следует угождать родителям «во всяком добром замысле» [4, с. 160]. А сам автор пишет о себе: «...Всякому в нужном угодил я и делом, и служением, и покорством, а не гордыней, порочащим словом не осуждая никого, не насмехался, не укорял никого, не бранился ни с кем, а пришла от кого обида — мы Бога ради терпели и винули себя, и потому становились враги друзьями» [4, с. 265]. Очевидно, что это не угодливость, а благоугодие (и — не угодие бесовское).

Не патриархальность, а добропорядочное партнерство

В связи с мотивом *дружбы навек* привлекает внимание замечание В.С. Бочко о том, что в «Домострое» описаны «не патриархальные отношения, как долгое время утверждалось в научной и публицистической литературе, а обычаи и традиции, складывавшиеся в связи с формированием в России новых социально-экономических отношений, связанных с развитием городов и зарождением внутреннего рынка, т. е. с переходом от деревенского образа жизни к, в определенной степени, урбанистическому, хотя и с сельскими элементами, от натурального хозяйства к товарно-денежному» [2, с. 110–111].

Известно, что в книге описана организация жизни городского домохозяйства с обширным двором. Деревеньки, если и имеются, то находятся на дальней периферии домохозяйства. Основными субъектами внешних отношений являются священники и монахи, купцы и торговцы, иноземцы и приезжие гости, соседи и знакомые, волхвы и странники, нищие, а из местных институтов — рынок, лавки, церкви и монастыри, больницы, суды, темницы.

При таком разнообразии контрагентов сугубо патриархальные взаимоотношения невозможны.

По мнению В.С. Бочко, экономические отношения в целом рассматриваются «как система добропорядочного партнерства, которое не только служит взаимной выгоде, но и формирует доверие между людьми, снимает возможную социальную напряженность» [2, с. 113]. По «Домострою», Богу угоден такой человек, которому «всякий во всем ему верит» [4, с. 160].

Из практик партнерства можно отметить дачу наперед денег ремесленным мастерам, платежи без волокиты и просрочки, любезное обхождение — без тяжбы и брани, а с хлебом и солью — с торговыми людьми, возврат денег за непонравившийся товар. При взимании законных сборов и податей можно сделать послабление при нужде, «помочь ему и ссудить, а мало у самого, так у людей подзаять, но другому по просьбе дать» [4, с. 168]. Жене в беседах с гостями или в гостях следует узнавать «добрую порядню» [4, с. 108], необычное рукоделье, «все то хорошее примечать и всему внимать, чего не знаешь и чего не умеешь, о том расспрашивать вежливо и послушно, и за науку благодарить, и, прийдя домой, обо всем рассказывать мужу перед сном» [4, с. 241].

Разумеется, патриархальные отношения нашли отражение в «Домострое»: требуется повиновение детей родителям, жены мужу, домочадцев хозяевам. Во всем следует повиноваться царю, князьям и своим властителям. «Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся, средних почитай, как братьев, немощных и скорбных любовно утешь, а младших, как чад возлюби...» — учит патриархальным нормам «Домострой» [4, с. 140].

Наряду с этим оговаривается, что священникам и монахам следует повиноваться только во всем богоугодном [4, с. 141] и необходимо осторожно подходить к выбору духовного отца, чтобы не попался потаковщик, пьяница, сребролюбец, гневливый [4, с. 141].

Жена является государыней в доме. Утром, днем и вечером муж советуется с ней о всяких делах домашних. Домостроевская патриархальность ориентирована на жизнь в мире с женами и с детьми и с домочадцами, на сохранение их в чистоте и на заботу о них «как о собственной части тела» [4, с. 160–161]. В частности, нужно всегда следить и спрашивать слуг «о всяких их скудости и недостатке, об обиде, о болезни, о всех тех нуждах, в которых можно помочь ради Бога, насколько удастся, и заботиться, насколько Бог пособит и от всей души, как о детях своих, как о близких» [4, с. 255]. При этом предполагается взаимообразность, например, в отношениях детей и родителей: «Не забывайте трудов отца-матери, ибо о вас заботились и за вас печалились, упокойте старость их и о них позаботьтесь, как и они о вас некогда» [4, с. 160–161].

Более того, у внимательного читателя возникает впечатление, что «“Домострой”, вопреки распространенному мнению, утверждает преимущественную ответственность старших перед младшими» [11, с. 127]. Эта ответственность выразилась, в частности, в том, что Сильвестр выкупал из темниц больных и пленных, должников из рабства, кормил голодных, освободил всех своих рабов. В послании сыну Сильвестр также сообщает, что они с женой смогли поднять всех вскормленников, домочадцев и иждивенцев: «...Все те, дал Бог, свободны, живут состоятельно, многие в священническом и дьяконском чине, и в дьяках, и в подьячих, и во всяких чинах; кто во что уродился и в чем

кому благоволил Бог быть, — те занимаются разными ремеслами, а многие торгуют в лавках, многие и в купечестве в различных землях ведут торговлю» [4, с. 266].

Таким образом, если это и патриархальность, то весьма мягкая, допускающая и уход домочадцев из дома. Власть отца проявляется прежде всего в том, что его архе есть поддерживающее начало: «Все это начато нашим попечением, но и после нас сохранил бы тебя Бог так же жить» [4, с. 263].

Не самодурство, а осмотрительность

П.И. Мельников-Печерский называл «Домострой» сводом патриархально-го самодурства, сложившегося на Руси под темным влиянием Византии и Сарая [7]. Под самодурством он понимал правление, при котором те, кто порядки держат, гнут остальных в дугу: «как медведь в лесу дуги гнет: гнут не парят, переломят — не тужат» [7]. Младшие становятся угнетаемыми, забытыми, обезличенными, безответными, страдающими и в страдании своем поучающимися самодурству, передающими его из поколения в поколение.

Но в точном смысле слова самодурство — это необузданное поведение человека, унижительное и оскорбительное для окружающих. Самодур руководствуется в отношениях к другим людям исключительно личным произволом, прихотями. Свод проявлений такого поведения действительно имеется в «Домострое», но в главе «О неправедном житии». Опровергать допущенное П.И. Мельников-Печерским искажение не имеет смысла. Большой интерес представляет модель альтернативного поведения, но выраженная не столько в нормах праведного жития, сколько в его рефлексивной регуляции, как раз не предполагаемой самодурством. «Все с рассуждением делайте, братья и сестры, а не с сердцем и злобою», — требует автор «Домостроя» [4, с. 296].

Поразительно, что «Домострой» предлагает «жить человеку, рассчитав свою жизнь» [4, с. 236]. Такое житье удобно и богоугодно, похвально среди людей и надежно [4, с. 237].

Для этого необходимо всегда все себе размерить и рассчитать, взвесить и разметить, отмечать и записывать как в масштабе всей жизни, так и в текущих делах. Исходить следует из того, что ангелы невидимо записывают дела добрые, а бесы записывают деяния, угодные сатане [4, с. 226]. И все деяния будут представлены в день Страшного Суда для воздаяния. Поэтому меру и счет требуется знать во всем.

Государю, государыне и слугам в каждом деле необходимы осмотр, при-осмотр, просмотр, надзор, предусмотрительность, рассмотрение и отчет. Например, утром встав, «по всему двору у всех запоров замки оглядеть, а где есть печати — там и печать, и если все хорошо — то добро, а где плохо заперто или замок попорчен, или вовсе не замкнуто, а то и печать нарушена или худо припечатано, — тогда, в хоромину ту войдя, все просмотреть...» [4, с. 195]. Вечером нужно «езде походить и все оглядеть, и принюхаться, как бы огня не было, не уронили бы где его» [4, с. 195].

Хозяин должен быть смысленный в своей предусмотрительности [4, с. 246]. А это означает, что разные государственные подати платить нужно раньше срока, по возможности делать различные запасы, на приданое дочери откладывать с ее рождения, при кройке одежды для молодых загибать края на вырост,

быть любезным со всеми — тогда от всякого лиха сберегут и при случае не обойдут.

Таким образом, «Домострой» наставляет не в самодурстве, а в рациональном («благоразсудном») поведении — в осмотрительности (и предусмотрительности).

Не скопидомство, а домовитость

А.С. Орлов полагал, что «Домострой» возвел в теорию «“кулацкий” цинизм скопидомства» [5, с. 442]. Под скопидомством обычно понимается страсть к накоплению и чрезмерная бережливость, доходящая до скупости и скряжничества.

Бережливость действительно настоятельно рекомендуется «Домостроем». Например, следует прибирать обрезки тканей и дощечки, крошки, объедки и кухонные отбросы (на корм скоту). Все может пригодиться, чтобы не искать по надобности на рынке или не портить хороших вещей. На мой взгляд, такая бережливость чрезмерной не является. При всей бережливости практикуется избавление от лишнего: «ветхое залатать осторожно, все и согдится — нищим отдать» [4, с. 170]. Если не по силам содержать слуг, то рекомендуется не продавать их в рабство, а «отпустить на волю и чем можно их наделить — от Бога награда, а душе польза» [4, с. 169].

В.В. Колесов справедливо отмечал, что упрекать «Домострой» в скупердйстве неправомерно: бережливость противопоставлена в нем беспечности, а скупость есть проявление «неблагодушия» [4, с. 354]. «Домострой» советует давать подношения духовным наставникам, священнослужителям и монахам, милостыню — больным, заключенным и нищим; поить и кормить гостей, странников и нищих; одарять убогих, вдовиц и сирот; добрую услугу или покупку почитать хлебом да солью и питьем; бережливых и понятливых слуг жаловать едой, питьем и платьем.

Таким образом, ни в скупости, ни в скряжничестве «Домострой» не наставляет. В нем также не выражена страсть к накоплению. В текущей жизни ему достаточным представляется состояние свободы и независимости. А детям после смерти оставить «двор со всяким припасом или лавку с товаром, или деревню со всякой живностью, и никаких кабал, ни записей, ни порук, никаких повинностей, никаких податей...» [4, с. 193]. Автор озабочен жизнью вечной.

Альтернативой скопидомству представляется такая ценность, как домовитость. Государь и государыня все домашние работы должны уметь делать сами, детей и слуг этому учить. Для всякого ремесла, рукоделья и домашнего обихода всякое орудие в порядке должно быть на подворье («...и что себе ни сделал — никто ничего не слышал, в чужой двор не идешь, берешь свое без лишнего слова» [4, с. 240]). В доме все должно быть всегда вычищено, выметено, вымыто, вытерто, выскоблено, починено, припасено, прибрано, припрятано под замок и опечатано: а в такой порядок («устрой») — «как в рай войти» [4, с. 244].

Домовитость не ограничивается собственным домом. Яства и питье, вещи и подарки передаются в другие дома. Сильвестр с гордостью сообщает: «...Рабов своих всех освободил я и наделил их, а иных и из рабства выкупил, и на

свободу пустил я, и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут, как ты видишь, и молят за нас Бога и всегда нам содействуют» [4, с. 265]. Таким образом, поддерживается сеть домохозяйств.

Чистая совесть

«Домострой» ввел в общественный дискурс выражение «чистая совесть». Призывается жить с чистой совестью, с чистой совестью посещать церковь, молиться и причащаться, прикасаться к святым образам, принимать нищих.

Значение выражения «чистая совесть» в тексте не поясняется. Но оно приобрело в дальнейшей истории России знаковый характер, моделирующий поведение людей. На мой взгляд, это значение соотносимо со следующим заявлением автора «Домостроя»: «Если ж писания моего не примете, наставлению не последуете, не станете жить по нему и поступать не будете так, как здесь сказано, дадите ответ за себя сами в день Страшного Суда, а я преступлениям и грехам не причастен, не моя то вина: благословлял я вас на благочинную жизнь, и размышлял, и молил, и поучал, и писал вам» [4, с. 138].

Как представляется, чистой совестью обладает человек, который порадел и сделал все от него зависящее, все, что в его силах и по его разумению — чтобы жизнь окружающих была праведной, чтобы все «были всегда упокоены, сыты и одеты, и в теплом доме, и всегда в порядке» [4, с. 221]. Но окружающих Бог не всегда вразумит и в дело они наставления могут не претворить. Обращаясь к сыну, Сильвестр предупреждает, что если он не порадеет, «то я твоему греху не причастен, сам о себе и о домочадцах своих и о жене дашь ответ в день Страшного Суда» [4, с. 267].

Как мы видим, Сильвестр осознает ограниченность сил человека, признает возможность иной позиции со стороны Бога и окружающих, автономию их воли, но снимает с себя вину за их действия. Необходимо сделать все, что можешь, и принять Суд Божий (и людской).

Подводя итоги изложенному, можно сделать прежде всего вывод о том, что «Домострой» действительно манифестирует ценности, которые альтернативны тем «антиценностям», которые ему обычно приписывают. На фоне выделенных антитез особняком находится ценность чистой совести: проблематичны и ее идентификация как ценности, и предложенная нами экспликация ее содержания. Одним из аргументов в пользу выделения чистой совести как ценности является ее сходство с такой конфуцианской ценностью, как искренность. Отметим также, что уживчивость во многом соответствует конфуцианской человечности (в модальности миролюбия). Таким образом, наблюдается социокультурная эквивалентность ценностей разных магистральных традиций.

Список литературы

1. Андреева Е.С. Традиционные ценности в «Домострое»: история и современность // Теология: история, проблемы, перспективы. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 130–135.
2. Бочко В.С. «Домострой» – экономический документ эпохи зарождения первоначального накопления капитала в России // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. №1(13). С. 110–123.
3. Глебкин В. От христианина к дворянину. Системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // Россия XXI. 2013. № 4. С. 96–113.

4. Домострой. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 400 с.
5. История русской литературы: в 10 т. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220–1580-х гг. / под ред. Орлова А.С., Адрианова-Перетц В.П., Гудзий Н.К. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1945. 532 с.
6. Колесов В.В. Домострой без домостроевщины // Домострой. Москва: Советская Россия, 1990. С. 5–24.
7. Мельников-Печерский П.И. «Гроза». Драма в пяти действиях А.Н. Островского («Библиотека для чтения». 1860 г. № 1) // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике: сборник статей. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. 336 с.
8. Некрасов И.О. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. Москва: Университетская типография (Катков и Ко), 1873. 190 с.
9. Стрельцова М.И. Из истории слова домострой в контексте русской культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 9: Филология. С. 62–68.
10. Тюгашев Е.А. Конфуцианская и кирилло-мефодиевская традиции: сравнительный аксиологический анализ // Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2021. С. 173–176.
11. Фомин А.Ю. Смысл названия драмы А.Н. Островского «Гроза»: проблема власти и ее художественное решение // Национальный стиль русской литературной классики. Москва: Московский городской педагогический университет, 2021. С. 125–132.
12. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1895. 562 с.

References

1. Andreeva ES. Traditsionnye tsennosti v «Domostroe»: istoriya i sovremennost' // Teologiya: istoriya, problemy, perspektivy. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo; 2018. P. 130–135. (In Russ.)
2. Bochko VS. «Domostroi» – ekonomicheskii dokument epokhi zarozhdeniya pervonachal'nogo nakopleniya kapitala v Rossii. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2006;(1(13)):110–123. (In Russ.)
3. Glebkin V. Ot khristianina k dvoryaninu. Sistemy bazovykh tsennostei «Domostroya» i «Yunosti chestnogo zertsala». *Rossiya XXI*. 2013;(4):96–113. (In Russ.)
4. Domostroi. Saint Petersburg: Nauka; 2007. (In Russ.)
5. Istoriya russkoi literatury: v 10 t. Vol. 2. Pt. 1. Literatura 1220–1580-kh gg. Ed. by Orlov A.S., Adrianov-Peretts V.P., Gudzii N.K. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR; 1945. (In Russ.)
6. Kolesov VV. Domostroi bez domostroevshchiny // Domostroi. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1990. P. 5–24. (In Russ.)
7. Mel'nikov-Pecherskii PI. «Groza». Drama v pyati deistviyakh A.N. Ostrovskogo («Biblioteka dlya chteniya». 1860 g. № 1). In: Drama A.N. Ostrovskogo «Groza» v russkoi kritike: sbornik statei. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1990. (In Russ.)
8. Nekrasov IO. Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya o proiskhozhdenii drevnerusskogo Domostroya. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko); 1873. (In Russ.)
9. Strel'tsova MI. Iz istorii slova domostroi v kontekste russkoi kul'tury. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2011;10(9):62–68. (In Russ.)
10. Tyugashev EA. Konfutsianskaya i kirillo-mefodievsкая traditsii: sravnitel'nyi aksiologicheskii analiz. In: Istoriko-kul'turnoe nasledie Rossii i Kitaya: voprosy izucheniya, sokhraneniya i razvitiya. Krasnodar: Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury; 2021. P. 173–176. (In Russ.)

11. Fomin AYu. Smysl nazvaniya dramy A.N. Ostrovskogo «Groza»: problema vlasti i ee khudozhestvennoe reshenie. In: Natsional'nyi stil' russkoi literaturnoi klassiki. Moscow: Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet; 2021. P. 125–132. (In Russ.)
12. Shelgunov NV. Ocherki russkoi zhizni. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi; 1895. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Александрович Тюгашев — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия; eLibrary SPIN: 9105-2093. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Tyugashev — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University; eLibrary SPIN: 9105-2093. **E-mail:** filosof10@yandex.ru